

Научная статья

УДК 81'37

doi: 10.17223/19986645/79/6

Синтаксис и семантика эмотивных глаголов (к проблеме лингвистической интерпретации текстов, написанных авторами с психическими расстройствами)

**Елена Николаевна Никитина¹,
Надежда Константиновна Онипенко²**

¹ *Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»
Российской академии наук (ФИЦ ИУ РАН), Москва, Россия, yelenon@mail.ru*

² *Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук
(ИРЯ РАН), Москва, Россия, Onipenko_n@mail.ru*

Аннотация. Статья демонстрирует объяснительные возможности лингвистики в рамках междисциплинарного проекта, в котором соединились задачи психологии, лингвистики и компьютерного анализа текста. Показаны различия в употреблении семантических групп эмотивных глаголов, выборе каузативной / рефлексивной конструкции, рассмотрены особенности реализации категорий времени и лица в текстах, написанных авторами с разными психиатрическими диагнозами (депрессия, шизофрения).

Ключевые слова: каузативные и возвратные эмотивы, экспериенцер, каузатор, 1-е и 3-е лицо, семантический тип эмотива, семантика, синтаксис, лингвистический анализ текста

Источник финансирования: работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2020-799.

Для цитирования: Никитина Е.Н., Онипенко Н.К. Синтаксис и семантика эмотивных глаголов (к проблеме лингвистической интерпретации текстов, написанных авторами с психическими расстройствами) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 109–130. doi: 10.17223/19986645/79/6

Original article

doi: 10.17223/19986645/79/6

Syntax and semantics of psych verbs (on the problem of linguistic interpretation of texts written by persons with mental disorders)

Elena N. Nikitina¹, Nadezhda K. Onipenko²

¹ *Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, yelenon@mail.ru*

² *Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, Onipenko_n@mail.ru*

Abstract. The article focuses on linguistic participation within a cross-disciplinary psycholinguistic research that was aimed at investigating connections between language and cognition in norm and pathology on the example of essays written

by persons with mental disorders (depression, schizophrenia). The theme of the essays was “Me, Others, World”. The essays constitute a small corpus (43 depression, 25 schizophrenia, 481 mental health texts) and form three *groups of experimental subjects*. The corpus has been explored by means of machine analysis and systemic-functional linguistics and discourse analysis. Linguistic participation fell into two stages. Stage 1 implied interpretation of statistical results of morphology machine analysis. Stage 2 performed a study of psych causative and reflexive verbs in a view of their lexical and grammatical realizations in texts. The article pays special attention to Stage 2 investigation. The key goal was to test the hypothesis that person’s choice of psych verbs depends on his or her mental status. The results obtained confirm the hypothesis. The article consists of introduction, six sections and conclusion. Section 1 gives a description of the research in general and its linguistic components. Section 2 introduces characteristics of causatives and reflexives in a view of their structure and semantics. Sections 3–6 contain results of text linguistic analysis; connections between psych verbs usage and mental status of speakers traced are supplemented by attempts to predict some behavior and thinking features. Psych causatives and reflexives belong to verbs that mean state (not action) of animate experiencer and have a genetic relationship with nouns and predicative adverbs. Psych causatives obligatorily carry the seme of cause, reflexives are often accompanied by cause. They differ semantically and functionally (with no morphological reasons) from each other. Firstly, the former are more rational, the latter represent emotions through their perceptive manifestations; secondly, the former suppose a first-person-(*Ya*)-experiencer and locate the situation in the time of speech (situation of speech and situation spoken take place simultaneously), the latter prefer a third-person-(*on*)-experiencer and narrate events in the past. For the purpose of psycholinguistic analysis, distinction of four types of psych verbs (negatives, positives, ambivalents, de-emotives) was important as well as their semantic transformations in the context of negation. Whereas the “healthy” group demonstrated a certain balance in usage of positives/negatives, both “mental disorder” groups tended to choose negatives. “Healthy” and “depression” groups were parallel in ambivalents usage. Speakers of the “depression” group avoided positives in association with *Ya*-experiencer. In the “depression” group *Ya*-causator constructions were preferable, which may mean their readiness to be responsible for somebody’s emotional states; also they were able to locate their own and other persons’ emotional states in present and past. Speakers of the “schizophrenia” group were not so flexible in sense of time and concentrated on their own personality and actual state, which corresponds to causative *Ya*-experiencer constructions in the present tense, neglect of reflexives and inclusive sentences (*Ya*-experiencer that shares emotion with others).

Keywords: causative and reflexive psych verbs, experiencer, causator, first and third person, psych verb semantic types, semantics, syntax, linguistic text analysis

Financial Support: The work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 075-15-2020-799.

For citation: Nikitina, E.N. & Onipenko, N.K. (2022) Syntax and semantics of psych verbs (on the problem of linguistic interpretation of texts written by persons with mental disorders). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 109–130. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/6

Современные исследования текстов с использованием машинного анализа базируются на системоцентричной уровневой лингвистической теории, в основе которой лежит иерархия языковых единиц от фонемы до синтаксиче-

ской конструкции и, соответственно, иерархия уровней от фонологии до синтаксиса, поэтому наиболее простым и типичным приемом количественного анализа стал подсчет дискретных единиц, прежде всего лексем и морфем: обе единицы позволяют исследователям делать выводы об объеме словаря пишущих, о наиболее значимых темах, о степени задействованности грамматической системы, но не соединяют анализ текста с изучением субъектной составляющей (ср. проблематику, представленную в филологии терминами «образ автора» (В.В. Виноградов), «языковая личность» (Й.Л. Вайсбергер, Ю.Н. Караулов), «эмпатия» (У. Чейф), «фокус эмпатии» (Т.В. Булыгина), «эвиденциальность» (Р.О. Якобсон, Н.А. Козинцева)).

Воплощение идей антропоцентризма и лингвистической прагматики средствами машинного анализа сегодня затруднено, однако запрос на лингвистическое исследование, нацеленное на конкретную личность либо тип личности, у гуманитарных наук имеется, в частности такой запрос есть у психологии (одним из ярких примеров такого интереса к личности является онтолингвистика как одно из современных направлений психолингвистики – см. работы В. Дресслера, Д.А. Слобина, С.Н. Цейтлин; см. также психолингвистические работы К.Ф. Седова о языковой личности).

Междисциплинарные проекты, задачу которых формулируют психологи, включают лингвистический компонент как один из аспектов изучения человека и его речевой продукции. Лингвистический анализ, включающий грамматические и семантические параметры, позволяет соединить количественный подход и интерпретацию текста, тем самым помогает психологии приблизиться к человеку как субъекту мыслящему, как творцу текста. Лингвистическая семантика преодолевает границы между уровнями машинного анализа текста (лексика, морфология) и соединяет системно-языковой анализ, включающий лексику, морфологию и синтаксис, с собственно лингвистическим анализом текста. Пример такого текстового подхода, который осуществляют лингвисты по заданию психологов, будет представлен в настоящей статье. Объектом исследования стали тексты, созданные лицами с психическими расстройствами. В основе предлагаемого текстового анализа лежит концепция коммуникативной грамматики [1], соединяющей системно-языковое описание и анализ текста.

Структура статьи отражает соединение в работе теоретического и прикладного аспектов лингвистики. В разделе 1 дана общая характеристика проведенного междисциплинарного исследования, которое предшествовало лингвистическому анализу текста, и аргументируется выбор эмотивных глаголов в качестве одного из параметров анализа текста. В разделе 2 дается характеристика русских эмотивных глаголов. В разделах 3–7 представлены результаты исследования, раздел 8 посвящен обсуждению результатов.

1. Материал, объект, этапы и задачи исследования

Материалом для лингвистического анализа текстов послужил корпус эссе на тему «Я, другие, мир» (средний объем текста – 2 000 знаков), написанных

авторами, образующими три группы: «здоровые», «депрессия», «шизофрения». В исследовании приняли участие пациенты клиники ФГБНУ НЦПЗ, проходящие лечение в отделе по изучению эндогенных психических расстройств и аффективных состояний, среди них 34 больных с диагнозом шизофренического спектра (согласно МКБ-10 F-20.04, F-20.05) и 43 человека с диагнозом аффективного спектра (согласно МКБ-10 F-31.3.F-32.1, F-33.10). Все больные наблюдались на этапе становления ремиссии. Диагнозы были верифицированы клиницистами центра. Критериями исключения были: наличие органических поражений и злоупотребление психоактивными веществами в анамнезе. Контрольную группу составили участники, не имеющие психиатрического диагноза («здоровые»), – 481 человек¹.

Корпус текстов был собран клиническими психологами Научного центра психического здоровья РАН в рамках междисциплинарного проекта РФФИ², первые результаты которого отражены в [2, 3]. В этих работах, составивших первый этап исследования, на основании анализа статистически значимых морфологических и морфо-синтаксических различий было показано, что «тексты больных отличаются от текстов здоровых по ряду психолингвистических показателей, отражающих наличие дефицитарной психопатологической симптоматики» [3]. Тексты анализировались клиническими психологами, которые «отмечают сосредоточенность больных на себе, их амбивалентное или отрицательное отношение к себе, чувство изоляции от мира, ощущение неустойчивости и «зыбкости» окружающего мира» [3].

Если на первом этапе статистически значимые различия оценивались специалистами по психологии и в отвлечении от текстов, то на втором этапе применялся лингвистический анализ текстов эссе, осуществлявшийся лингвистами. Лингвистический анализ позволил интерпретировать статистически значимые различия в употребимости личных местоимений 1-го и 2-го лица и форм прош. вр., которые рассматривались в связи с семантикой синтаксической конструкции [4]. В ходе исследования было установлено, что группы с разными психиатрическими диагнозами тяготеют к разному оформлению обобщенно-личного значения: депрессия – *мы*-высказывания, шизофрения – *ты*-высказывания. Это можно объяснить следующим образом: 1) подавленность лиц в состоянии депрессии и их потребность в консолидации с обществом как носителем общепринятых этических норм (*мы*-формы); 2) желание распространить собственный частный опыт на других у лиц с диагнозом «шизофрения» (*ты*-формы). В то же время в группе «здоровые» предпочтения того или иного способа представления обобщенно-личного значения не отмечено. В группе «здоровые» фиксиру-

¹ Для анализа была сделана случайная выборка из 25 текстов в каждой из трех групп.

² Отметим, что по условиям конкурса РФФИ офи-м психодиагностическое исследование, проводимое в рамках проекта, не предполагает рассмотрения в каком-либо этическом комитете и не требует подписания информантами листов информированного согласия.

валось минимальное количество форм местоимения *Я* и форм прош. вр., что связано со склонностью к решению темы эссе в общечеловеческом плане, т.е. в отвлечении от индивидуального *Я* и конкретного временного плана (общечеловеческие истины формулируются в наст.вр). В текстах групп с психопатологией формы прош. вр. означают зависимость от воспоминаний, погруженность в прошлое, однако формы прош. вр. различаются семантически. В текстах группы «депрессия» обнаруживается перфектное значение, отмечающее драматическую границу между двумя жизненными периодами – здоровья и наступившей болезни («перфект»), а в текстах группы «шизофрения» прошедшее предстает как ровная линия (серия «аористов»), соответствующая вспоминаемым событиям.

Настоящая работа представляет результаты третьего этапа исследования, на котором произошел переход от морфологических характеристик как исходного пункта лингвистического анализа текста к функционально-семантическим: основным объектом внимания стали семантическая группа глаголов и организуемые ими конструкции. Нас интересовали глаголы каузативно-эмотивной семантики и их возвратные корреляты (типа *удивлять–удивляться, злить–злиться*), всего 259 глаголов, собранных при работе над «Семантико-грамматическим словарем русских глаголов» [5]. Обращение к эмотивной лексике при исследовании текстов психически больных было обусловлено необходимостью создать лингвистически обоснованный алгоритм автоматического анализа текстов людей с наличием психологических проблем или психических нарушений. Данная группа глаголов не ограничена тематически, т.е. обладает определенной универсальностью. Было выдвинуто предположение, что тип психопатологии автора и выбор им эмотивных лексем и эмотивных конструкций определенным образом связаны. Тем самым исследовалась значимость выбора не только слова об эмоции (негативная или позитивная окраска), как было показано в работах [6; 7] о «лексических признаках психологического неблагополучия», но и семантика категорий времени и лица. Кроме того, при изучении данного корпуса текстов на примере эмотивных глаголов проверялся прикладной потенциал лингвистического описания, предпринятого при работе над «Семантико-грамматическим словарем» [5].

Лингвистический анализ текста проводился без предварительной статобработки данных машинного анализа корпусов. Напротив, предполагалось, что результаты анализа употребления эмотивов и их конструкций дадут возможность предложить значимые лингвистические характеристики, которые могут быть применены при решении задач психодиагностики и позволят в дальнейшем проводить исследование текстов различных групп информантов уже с использованием методов матстатистики или машинного обучения. С такой постановкой задачи связано и то, что в работе практически отсутствует количественная характеристика материала – работа посвящена не описанию текстов лиц с расстройствами психики по уже сложившимся в лингвистике критериям, а выявлению тех особенностей эмотивов, которые могут быть интересны для задач психодиагностики. Проверка

значимости этих особенностей как маркеров заболевания при автоматической классификации текстов – дело уже следующих исследований.

Лингвистический анализ текстов включал (1) уточнение имеющейся в лингвистической литературе лексико-семантической классификации эмотивов, формулировку тестов для идентификации типов эмотива и принципов смены семантического типа эмотива в контексте отрицания; (2) машинную разметку текстов эссе в соответствии с нашей классификацией эмотивов; (3) проверку текстов эссе после машинной разметки с целью устранения полисемии; (4) семантико-грамматическую интерпретацию конструкций, организованных эмотивными глаголами, в связи с семантикой времени и категорией лица каузатора и экспериенцера.

2. Общая характеристика эмотивных глаголов

Объектом исследования, как было сказано выше, стали эмотивные переходные глаголы и их возвратные корреляты в морфологических и синтаксических реализациях. В отличие от глаголов действия эмотивные переходные и возвратные глаголы не являются страдательно-залоговыми коррелятами. Эмотивные глаголы, или глаголы эмоционального состояния, семантически «производны» от именных предикатов состояния, от которых «наследуют» определенные семантические свойства – личность субъекта состояния (экспериенцера), отсутствие временной перспективы и внутренней предельности. Отличительным свойством эмоционального состояния является его обусловленность извне, поэтому неизменным (или частым) спутником конструкции с эмотивным предикатом становится компонент с семантикой причины, ср.: *Нас радовал дождь* = *Мы радовались дождю* = *Мы радовались, (потому) что шел дождь*. Такие конструкции называются каузативными, а компонент со значением причины – каузатором (его категориальная семантика может быть личной, предметной, пространственной и пропозициональной). Поскольку семантика причины является обязательной валентностью переходных эмотивных глаголов, они называются каузативными эмотивами. Соответствующие корреляты называются возвратными эмотивами.

Тот факт, что конструкция каузативно-эмотивного глагола предполагает в качестве результата каузации состояние (контроль над которым затруднен со стороны внешней силы), значительно отличает эту конструкцию от других каузативных: в эмотивной конструкции нет собственно воздействия, а есть опосредованное причинение. Это значит, что вероятность возникновения причинно-следственной связи зависит не только от субъекта-каузатора, но и от осмысляющего и реагирующего субъекта (субъекта эмоционального состояния). Отсюда и обсуждаемая в лингвистической литературе проблема намеренности / ненамеренности (агентивности / неагентивности) каузатора каузативно-эмотивной конструкции (см., например, [8, 9]), о намеренности / ненамеренности каузации в целом см. [10]. Отметим, что согласно данным НКРЯ (1970–2021 гг.) формы ср. р. для многих каузативно-эмотивных лек-

сем преобладают над другими формами рода и числа: *волновало* – 560, *волновали* – 368, *волновала* – 300, *волновал* – 218; *радовало* – 272, *радовали* – 183, *радовала* – 155, *радовал* – 151; *беспокоило* – 354, *беспокоили* – 196, *беспокоила* – 171, *беспокоил* – 166. Форма ср. р. глагола указывает на неличную семантику каузатора в Им. п. и, соответственно, на ненамеренность. Если другие формы рода и мн. ч. безразличны к категории одушевленности (а намеренность связана с одушевленностью субъекта), то форма ср. р. не может согласовываться с одушевленными именами (исключая существительные типа *дитя* и *чадо*). Она появляется в конструкциях с каузирующими пропозитивными именами и «сентенциальными актантами» (придаточными, замещающими позицию каузатора), что свидетельствует в пользу частотности ненамеренной каузации.

При всей общности значения эмотивных глаголов в каждой из организуемых ими пар каузативные и возвратные эмотивы имеют семантические различия. Так, эмотивная семантика первых окрашена рассудочным анализом (*Ты меня огорчаешь*). Вторые семантически проще: в их валентностной модели нет компонента причины, они называют эмоцию, но это эмоция в связи с ее внешним проявлением (прыгает – значит радуется, хмурит брови – значит злится, краснеет – значит стыдится). Каузативные эмотивы имеют фокус на причине состояния, возвратные – на состоянии.

Для эмотивных глаголов важнейшей субъектной инстанцией является экспериенцер, который при переходном глаголе выражается Вин. п., а при возвратном – Им. п. О собственной эмоции, переживаемой в момент речи (форма наст. вр.), мы обычно заявляем посредством каузативных эмотивов с Я в Вин. п. или с «синтаксическим нулем» экспериенцера и гораздо реже с помощью возвратных, ср.: *Меня это радует* – *Это радует* – **Я радуюсь этому*; это позволяет относить каузативные эмотивы к «перволичным» предикатам. Высокая употребимость возвратных эмотивов с не-Я-экспериенцерами подтверждается частотными данными НКРЯ, см. работу [11], в которой возвратные эмотивные глаголы интерпретированы в связи с их семантической «третьеличностью».

Обратимся к «третьеличным» глаголам. Особый характер их грамматической семантики (на глаголах неэмотивных значений, например *созидать*, *ябедничать*, *ерничать* и др.) отмечается в некоторых лингвистических работах [1, 12]. На предикатах внутреннего состояния проблема лица экспериенцера рассматривалась Анной А. Зализняк, там же см. историю вопроса в связи с выбором «семантически более простой формы» лица экспериенцера – 1-го или 3-го [13. С. 13–14]. Прикладной аспект проблемы «третьеличных» глаголов представлен в работе [4], в которой было показано, что употребление говорящим «третьеличных» глаголов и – шире – «третьеличных» неглагольных предикатов применительно к себе может маркировать особое психическое состояние – состояние депрессии; сходные выводы получены несколько позже в [14, 15] и описаны в терминах «labeling/ mislabeling» (*I am a winner, I am a lady, I am a loser*) – подведение собственной личности говорящего под позитивную / негативную категорию выступает как маркер депрессии.

Другая важная характеристика эмотивных глаголов как статуальных предикатов – категория времени. Для семантики состояния важно, помимо лица экспериенцера, разграничение актуального / неактуального времени. Только соединение *Я*-экспериенцера и предиката эмоции в актуальном настоящем создает сообщение о собственно состоянии; высказывания о состоянии *Я* в неактуальном времени (как и любые высказывания о состоянии других лиц) носят интерпретативно-приписывающий характер. Если для каузативных эмотивов с *Я*-экспериенцером типична как актуальная, так и неактуальная временная локализованность, то для возвратных с *Я*-экспериенцером скорее характерна неактуальная временная локализованность. В неактуальном времени 1-е лицо экспериенцера не указывает на совпадение субъекта речи и субъекта состояния, а свидетельствует о дистанцированности между *Я* говорящего момента речи и *Я* субъекта состояния в прошлом / будущем / неактуальном настоящем, тем самым 1-е лицо уходит в зону 3-го лица. Поэтому соединение возвратных эмотивов с *Я*-экспериенцером в прош.вр. типично (в отличие от наст. актуального); *Я* при возвратных глаголах эмоции может появляться в воспоминаниях, чем обнаруживается их семантическая «третичность»¹, подробно см. в [5, 11].

3. Глагольная полисемия² и эмотивы

Для поиска встречаемости эмотивных глаголов все тексты были обработаны при помощи морфологического анализатора MyStem (<https://yandex.ru/dev/mystem/>). Леммы всех словоупотреблений в текстах были сопоставлены с начальными формами эмотивных глаголов, при этом использовались инструментарий языка программирования python и сопутствующая библиотека `rumystem3`. Помимо сопоставления лемм слов также учитывалась морфологическая аннотация, полученная при помощи анализатора MyStem. С помощью машины была произведена разметка эмотивов по четырем семантическим классам (о семантических классах эмотивов см. раздел 4).

Машинная обработка, однако, не позволила исключить неоднозначность. Поэтому после машинной разметки тексты были подвергнуты ручной проверке и исключены контексты с полисемичными глаголами в неэмотивном значении, в частности глагол *занимать* / *занять*, для которого очень частотны пространственное и временное значения (*Сейчас всё моё время занимает (?) работа и семья*¹ («шизофрения»); *Я часто задаюсь*

¹ Еще одно свойство эмотивных глаголов, отмечаемое в литературе, – это перфектная видовая пара [16]. Это свойство эмотивов в нашей работе не обсуждается.

² В традиционной русистике и словарной практике разграничиваются полисемия и омонимия, хотя в машинной обработке естественного языка сложилась практика считать любые разные значения одной лексической единицы грамматического (или орфографического) словаря омонимиями.

³ Знаки (?), (–), (+), (/) соответствуют семантическим типам эмотивов и были использованы для машинной разметки текстов, поэтому они сохранены в примерах из текстов эссе.

вопросом о том, какое место в нашем мире я *занимаю* (?) («здоровые»); *Мест нет Мест нет Все уже занято* («депрессия»)). Эмотивное значение этого глагола в исследуемом корпусе не отмечено.

Полисемичные глаголы *тревожить*, *увлечь*, *тронуть* показали неожиданную картину употребления: в группе «шизофрения» встречается не каузативно-эмотивное значение, а вещественное, пространственно-динамическое². *Потоки воздуха тревожат (-) занавеси окон автобуса; В это же мгновение несколько мушек были сбиты водяным потоком и увлечены (+) им вниз, в водосток ванны; И, возможно, это я ушёл в туман, тронув (+) рукой мокрые листья кустов; свежая трава, волнуемая (?) ветром.* Если в предыдущих примерах можно усмотреть наложение эмотивного значения на пространственное (эффект персонификации), то есть и пример с собственно эмотивным значением, приписанным предметному субъекту: *удрученные тени* («шизофрения»). Этот контекст будет проинтерпретирован ниже (раздел 5).

4. Семантическая классификация эмотивов

В рамках лингвистического анализа было принято деление эмотивных глаголов на четыре подкласса (типа): позитивы (*радоваться*, *восхищаться*), негативы (*бесить*, *злить*), амбиваленты (*удивлять*, *волновать*), деэмотивы (*успокаивать*, *умиротворять*).

Первоначально в основу разграничения эмотивных глаголов был положен признак позитивной / негативной эмоциональной окрашенности: *радоваться* – *огорчаться*, что обусловлено и психологически и лингвистически. См. толкование *восхищать*: «то, что X считает воспринимаемый им Y **очень хорошим**, каузирует то, что X находится в **достаточно интенсивном положительном** эмоциональном состоянии...» [17. С. 172–173].

Это разграничение негативов / позитивов отражает традиционное антонимическое соответствие, парадигматически упорядочивающее пары лексем в терминах положительной и отрицательной полярности [18], именно это деление используется в психологических работах [6, 7]. Однако разграничение по этому бинарному признаку захватывает не все глаголы эмоции, поэтому были добавлены еще два признака. Семантика некоторых эмотивов носит амбивалентный характер: обозначает волнение, повышенный эмоциональный фон, но не включает сему позитивной / негативной оценки, что отражается и в толкованиях, не включающих слов оценки. См. толкование *удивлять*: «то, что в момент t X уверен в осуществлении события Y или события P (Y), а до t X считал это событие маловероятным, каузирует то, что X находится в «возбужденном» эмоциональном состоянии»

¹ Орфография и пунктуация исследуемых текстов сохранены; в текстах сделаны купюры с целью сохранения анонимности авторов.

² См. толковые словари Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, в которых именно неэмотивное значение является первым для *тронуть*, *увлечь*.

[17. С. 500]. Такая неохарактеризованность по признаку «хорошо / плохо» обнаруживается способностью эмотивов сочетаться со словами оценки обоих полюсов: *он меня приятно / неприятно удивил*, ср. невозможность **приятно / неприятно обрадовать, разозлить*. Наконец, была выделена подгруппа глаголов, которые относятся к эмотивным, но обозначают не нахождение в эмоциональном состоянии, а выход из него, отсутствие повышенного эмоционального фона, например: *успокоиться*.

Семантика эмотива в контексте отрицания подвергается изменению: отрицание так смещает словарное значение глагола, что оно может быть описано посредством семантики другого эмотивного подкласса. Так, глаголы позитивной группы могут давать значение негативное (–): *не радовался этому* = «расстраивался»; глаголы негативной и амбивалентной группы – отсутствие эмоции (∅): *не тревожусь / не удивляюсь* = «испытываю спокойствие»; глаголы выхода из эмоции (деэмотивы) – негативное (–): *не успокоился* = «беспокоился». Эти особенности поведения глаголов учитывались при анализе, что позволило точнее представить общий эмоциональный фон групп информантов. На этапе машинной обработки были размечены встреченные в текстах эмотивы по их принадлежности к семантическому подклассу; на этапе лингвистического анализа учитывалось смещение словарного значения глагольной лексемы в контексте отрицания.

В текстах трех групп информантов обнаружены отличия в употребимости позитивных / негативных эмотивов. В группе «здоровые» эссе оказались более эмоциональны (они насыщены как негативной, так и позитивной лексикой), при этом количество негативов и позитивов практически уравновешено, в отличие от групп «депрессия» и «шизофрения», где негативы преобладают над позитивами. Интересно, что в группе «здоровые» большее, чем в двух остальных, количество амбивалентной эмотивной лексики (недифференцированной по признаку позитивной / негативной окраски).

Негативная эмотивная лексика может соотноситься как с Я-, так и с не-Я-экспериенцером во всех группах информантов, здесь различий не выявлено.

Позитивная семантика эмотива в трех исследуемых группах по-разному соотносится с лицом экспериенцера, важный характер приобретает наличие / отсутствие соединения с Я чувствующим.

В группе «здоровые» позитивная эмотивная семантика может соотноситься как с Я-экспериенцером, так и с другими (примеры распределяются почти поровну). Я: *Мир, в котором я живу, – прекрасен, удивителен и я очень его люблю, стараюсь наслаждаться (+) каждым прожитым днем*; не-Я: *Король Швеции Густав Пятый увлекался (+) вышивкой*; обобщенно-личное (все, и Я в том числе): *...кто то даже кончает жизнь самоубийством, но кто то же хочет жить, радуется (+) каждой мелочи*.

В группе «депрессия» единственный пример позитивного предиката соотнесен с экспериенцером в 3-м лице: *Бедные <больные> никак не ожидали увидеть такое зрелище, порадовавшее (+) их замутненное нейрорептиками сознание*. Позитивные эмоции в данной группе не соотносятся с

Я-экспериенцером. Высокий уровень негативизма совместно с нехарактерностью соединения *Я* с предикатами позитивной группы являются признаком группы «депрессия».

В группе «шизофрения» позитивный предикат характеризует Я-экспериенцера: *Чехов А. П меня радует (+)*.

Деэмотивная семантика («выход из эмоционального состояния») представлена во всех трех группах, с некоторым численным преобладанием в группе «депрессия». В текстах корпуса «деэмотивное» значение часто формируется за счет множественных лексико-синтаксических средств – не только с помощью отрицательной частицы, но и других модификаторов предиката: *Я лежу на голом полу в тишине. Меня уже ничто не тревожит (–), мой ум не волнуют (?) мысли, чаяния и надежды («шизофрения»); Мало что могу сказать о других, они меня мало волнуют (?), на то они и другие («здоровые»); Люди внизу разучились удивляться («депрессия»).*

5. Семантическая структура эмотивов и категория лица

В семантическую структуру каузативных и возвратных эмотивов, как было сказано выше, входят два именных компонента – обязательный экспериенциальный и каузальный (обязательный для переходных, факультативный для возвратных). При анализе текстов исследовалось: 1) кому принадлежит эмоция (*Я* или не-*Я*), что реализуется выбором или не-выбором местоимения *Я* и слов душевной личной сферы (*сердце, мечта, душа* и др.) в связи с *Я* в позиции экспериенцера; 2) насколько пишущие способны ассоциировать себя с другими субъектами чувствующими (обобщенно-личное значение экспериенцера); 3) насколько разные группы информантов склонны к совмещению в одной конструкции эмоционального состояния и рационального обоснования состояния (выбор каузативного или возвратного эмотива); 4) насколько информанты склонны сознать себя в качестве причины состояний, испытываемых другими (*Я* в позиции каузатора).

Группы «здоровые» и «депрессия» обнаружили сходную картину по целому ряду признаков, однако с определенными расхождениями, которые обсуждаются ниже.

Во-первых, эмоциональное состояние приписывается авторами обеих групп и *Я*-субъекту, и другим. Не-*Я* экспериенцер: *Окружающие, когда узнают об этом, очень удивляются (?) («депрессия»); у всех свой особенный взгляд на людей и на вещи, кто то интересуется (+) историей («здоровые»).* *Я*-экспериенцер: *Я росла довольно закрытым ребёнком, одноклассникам предпочитала книги, но меня это не беспокоило (–) у меня была семья («депрессия»); Ещё одна вещь, которая меня всегда удивляет (?) – это то, как находится неизвестное («здоровые»).*

Здесь же наблюдается определенное различие между сравниваемыми группами. Авторы из группы «здоровые» об эмоции других говорят на примере как неконкретно-референтных экспериенцеров, так и конкретно-референтных (по-видимому, с преобладанием первых), исходя из соб-

ственного опыта и обобщая его. Неконкретно-референтный (обобщенный) экспериенцер: *Я много раз встречал как милая с виду и по общению женщина зрелых лет, пишет в интернете такое, что любой сапожник может смутиться* (–); *для кого-то я близкий друг, которому можно довериться и рассказать то, что волнует* (?). В группе «депрессия» чаще, чем в группе «здоровые», речь идет о конкретно-референтных экспериенцерах и конкретном временном плане прошлого (возможно, из-за погруженности пишущих в воспоминания): *Бабушка нервничает. Мама тоже нервничает. Я вижу. Их обеих начинает бесить* (–) *это ожидание; Бедные психи со скукотницы глядели в окно, куря сигареты и развешивая тем самым скуку, и уж никак не ожидали увидеть такое зрелище, поразившее* (+) *их* замутненное нейрорепликациями *сознание*.

Во-вторых, обе группы использовали эмотивные предикаты для построения высказываний с обобщенно-личным значением экспериенцера (эмоциональное состояние соединяет Я и мир других людей): *Многие часто не задумываются о том, что нас окружает, в том числе и я, поэтому неожиданные моменты случающиеся в нашей жизни впечатляют* (?) *нас* («депрессия»); *Любые возможности, связанные с риском и неизвестностью его <человека> пугают* (–); *Ведь любой, столкнувшись с горой непонимания, несправедливости, будет подавлен, расстроен* (–) («здоровые»). Так пишущий говорит об эмоции дистанцированно, предъявляя ее возникновение как определенную закономерность, но не предъявляя при этом собственную личность. Здесь личное скрыто под общим, о чем писал еще А.М. Пешковский (1928) [19. С. 342]. В группе «здоровые» обобщенно-личные высказывания используются чаще.

В-третьих, эмоциональное состояние может описываться с помощью как каузативных эмотивных глаголов (с обязательным компонентом конструкции – каузатором), так и возвратных (с необязательным каузатором).

Каузативно-эмотивные глаголы (с каузатором): *Пока мне уютно в своем крохотном домике, но однажды я в этом уверена, и это придает мне сил я разрушу все окружающие меня стены. <...> Когда мир и люди перестанут меня ужасать* (–) («депрессия»); *Другие для меня – неразгаданные загадки, люди с собственным мышлением, опытом, устоями. Их зачастую противоречивый образ мыслей не может не поражать* (?) («здоровые»).

Возвратные эмотивные глаголы: *С начала я быстро и смело знакомясь, но затем начинаю стесняться* (–) («депрессия»); *Когда я была маленькая я внезапно узнала, что в мире есть люди которым я не нравлюсь. Это были мои сверстники и я ужасно расстроилась* (–) («здоровые»).

В-четвертых, Я может выступать в качестве каузатора состояний других лиц. В эссе авторов из группы «депрессия» конструкция с Я-каузатором эмоционального состояния других в Им. п. встречается неоднократно, как в инволютивном (ненамеренная каузация), так и волютивном (намеренная каузация) значении. *Другие, кого я боялась разочаровать* (–) *какими-то своими неудачами или проблемами, начинали внезапно идти навстречу; Ты не вписываешься, ты неудобная, ты мешаешь, ты разоча-*

ровываешь¹ (-); **Я** пыталась мирить родителей, пыталась **успокоить** (l) мать, но всё это было бесполезно («депрессия»). В группе «здоровые» каузирующее **Я** встретилось в конструкциях с возвратным глаголом: он **нравился** другим девочкам, чего нельзя было сказать обо мне, – в итоге и он **злился** (-) **на меня**; Кто **порадовался** (+) бы за **мои** осуществленные **мечты**? Представляется, что для говорящего идея связи **Я** с состоянием других важна вне зависимости от наличия у **Я** намерения не только в силу отсутствия непосредственной связи между намерением **Я** и эмоцией другого, но и в силу возможной связи между не имеющим намерения **Я** и эмоцией экспериенцера 3-го лица – связи, возникающей в сознании субъекта чувствующего (экспериенцер 3-го лица). В контекстах с **Я**-каузатором обращает на себя внимание тот факт, что эмотивные глаголы нередко употребляются в ирреальной модальности (см. примеры выше). В результате мы имеем дело не с реальной каузацией **Я** чьих-либо эмоций, а с мыслями, предположениями пишущего об этом.

Если соединять два смысловых параметра – **Я** как причина состояния другого лица и приписывание состояния другому лицу (не-**Я**-экспериенцер), то встречаемость этих двух смыслов в группе «депрессия» выше, чем в группах «здоровые» и «шизофрения». Это может свидетельствовать о том, что люди в состоянии депрессии (необоснованно) принимают на себя тяжесть ответственности за (негативное) эмоциональное состояние других.

Здесь любопытно сравнить охарактеризованную выше этическую позицию лиц в состоянии депрессии с примерами текстов из НКРЯ в связи с использованием 1-го лица каузативно-эмотивных глаголов негативной группы. По-видимому, обычно люди склонны отрицать свою связь с негативным состоянием другого лица. Поскольку позиция каузатора открыта как для намеренной, так и для ненамеренной интерпретации, в ситуации диалога с помощью каузативного эмотива собеседники могут выстраивать разные версии события: первый говорящий представляет эмотивную причинно-следственную версию («я испытываю состояние...»), второй говорящий представляет целевую версию, отрицая состояние первого субъекта в качестве цели своего действия:

[1-й говорящий] ... Че-то-то ты меня пугаешь...

[2-й говорящий] Давай я те на почту Почему пугаю? Почту свою дай

[Переписка в icq между agd-ardin и Колючий друг (2008.01.16)]

В этом примере форма *пугаю* в вопросительном предложении несет значение (несовершавшегося) действия, которое может быть подведено под ментальную рамку: *Почему пугаю?* = «Почему² ты считаешь, что я тебя пугаю?»

¹ Местоимение 2-го лица и форма глагола 2-го лица в данном примере являются грамматическим способом обобщения множественного опыта говорящего, т.е. способом обобщения значения времени. Высказывание относится к **Я**-субъекту и позволяет создать значение времени «всегда».

² См. [20].

Стремление Я отрицать связь между собственным действием и негативным состоянием третьих лиц см. также в художественном тексте: «И (мать) жалела её (Риту), когда ей (матери) казалось, что я её (Риту) обижаю» [Ю. Трифонов. Предварительные итоги (1970)]. В данном примере такая связь отрицается с помощью рамки кажимости (ей казалось), принадлежащей 3-му лицу.

По значению категории лица группа «шизофрения» противостоит группам «здоровые» и «депрессия».

Во-первых, авторы группы «шизофрения» преимущественно пишут о своем состоянии: *Я редко ощущаю свое я. Это происходит тогда, когда что-то меня начинает беспокоить (–) сверх нормы например простуда или «депрессия»; Я трудолюбивая, но бываю невнимательная и меня это раздражает (–).*

Во-вторых, собственное состояние описывается посредством конструкции с каузатором (см. примеры выше), т.е. эмоция сопровождается рационализацией. Этому имеются две причины. Прежде всего, информанты группы «шизофрения» сосредоточены на собственном состоянии и на актуальном моменте, что ведет к выбору конструкции каузативного эмотива. Другая причина состоит в том, что, вероятно, в этом выборе проявляется такая характеристика мышления и текста, которую можно назвать логизмом. Логизм, помимо эмотивной конструкции, проявляется в обращении авторов к другим каузативным конструкциям: *свидетельствовать о чем, приводить к чему, быть связанным с чем*, к метатекстовым средствам, речемыслительным рамкам, а также повышенной структурированностью текста. См.: *Я думаю, можно опустить подробное описание фактов, **приведших к** подобным отклонениям в психике Б и Б. Ясно одно отсутствие родительской любви и заботы **как мы видим**, на протяжении фильма Б и Б всегда одни, и **связанная с этим** полная предоставленность Б и Б влиянию улицы и американской масс-культуре, **создающей в** подкорке Б и Б такие примеры для подражания, как Тодд, занятия родителей мать Бивиса проститутка, **приводят к** развитию патологического сознания индивида («шизофрения»).*

Единственный пример возвратного глагола, сближающегося с эмотивной семантикой, – *интересоваться*, глагол с довольно рационалистичной семантикой (в толковых словарях Ушакова и Ожегова слово «интерес» толкуется посредством синонима «внимание»): *И вдруг в голову ударило а почему бы мне не поучаствовать? Хотя до этого я почти **не интересовался (+) политикой** (группа «шизофрения»).*

В-третьих, в данной группе не отмечены высказывания с обобщенно-личным значением.

В-четвертых, конструкции с Я, каузирующим состояния других лиц (не Я экспериенцера), обнаружились в двух эссе группы, обладающих специфическими признаками. Эти примеры принадлежат ирреальному модальному плану (относятся к фантазируемой реальности): (1) *Пальцы холодные и мокрые. Это никуда не годится. Нельзя же к ней прикасаться такими*

пальцами. Это *может* её *испугать*! Я же *не хочу* её *испугать*; (2) Мне кажется что другие люди испытывают примерно тоже что и я поэтому когда плачу *мне кажется что* мой собеседник тоже плачет, *расстроен* (–)... Еще я *боюсь потревожить* (–) людей поэтому не всегда прошу о помощи хотя в ней нуждаюсь. В данных примерах из группы «шизофрения» нереальный или потенциальный модальный план (что сходно с эссе группы «депрессия») соединяется с субъектами состояния неконкретно-референтными, потенциальными, мыслимыми, фантазируемыми (что отличает две названные группы).

Как отмечалось выше, в группе «шизофрения» нашлись несколько примеров с неканоническим наполнением и значением эмотивных конструкций: в них эмоциональное состояние приписано предметному субъекту. См.: На *моём столе догорает свечка. И тени сегодня такие густые и удручённые* (–). Это *из-за меня они удручённые* (–). Если пытаться объяснить появление подобных примеров, то можно предположить, что здесь мы имеем дело с собственным состоянием пишущего (*Я удручен*) и эффектом зеркала¹: собственное состояние пишущего отражено в окружающих автора предметах, что несколько похоже на каузированное состояние типа *Грустная береза* (= «я ощущаю грусть, потому что береза поникшая, голая» и т.п.). Но в примерах из исследуемых эссе речь не о каузации состояния извне, из внешнего мира, а о проекции состояния автора во внешний мир. Эффект зеркала проявляется и в следующем фрагменте, где состояние других мыслится как отражение состояния собственного: *Мне кажется что другие люди испытывают примерно тоже что и я поэтому когда плачу мне кажется что* мой собеседник тоже плачет, *расстроен* (–)... («шизофрения»).

Если сравнивать представление о мире и о себе в группах «шизофрения» и «депрессия», то в первой состояние *Я* может распространяться вовне, субъект чувствующий приписывает свое состояние внешнему миру, во второй же *Я* может сливаться с внешним миром, ощущая чужое состояние как свое (что коррелирует с обобщенными *мы*-высказываниями, см. [4]).

Лингвистическому анализу предшествовало предположение, что в текстах группы «депрессия» можно ожидать употребления применительно к *Я* наст. третьеличных эмотивных глаголов – возвратных. Однако формы 1-го лица наст. возвратных эмотивов оказались нехарактерны: здесь сказало-сь тяготение эссе группы «депрессия» к воспоминаниям. Кроме того, судя по речевой продукции, эмоциональный план личности в состоянии депрессии предстает целостно. Взгляд на себя со стороны, ведущий к расщеплению личности на две одновременные инстанции, проявляется в эссе группы «депрессия» там, где в силу вступают качества и оценки с точки зрения социума, что проявляется в соединении «третьеличных» предикатов с *Я*-субъектом (*Я изнежен материнской заботой*).

¹ Эта группа эссе интересна тем, что мотив зеркала повторяется неоднократно; см.: «А если серьезно, то порой кажется, что для меня другие зеркала, и в каждом *Я* вижу отражение себя в той или иной форме с известной долей искажений».

6. Предикатные серии с участием эмотивных глаголов

Эмотивные глаголы часто организуют предикатные серии (что типично для глаголов этой семантики): (1) *Это* <поведение других людей> *и поражает* (?), *и пугает* (–), *возможно, даже в равной степени*; (2) *Есть еще те, люди, которые не стали мне настолько близкими, но с которыми Я тоже общаюсь, которые могут вдохновлять* (+) *меня или может огорчать* (–) (здоровые); (3) *миру есть чем удивить* (?) *или напугать* (–), *но он равнодушен, он не собирается нас впечатлять* (?) («депрессия»). Это экспрессивный прием, повышающий степень выраженности эмоционального фона.

Если же серия предикатов, в которую включается каузативный эмотив, содержит глаголы со значением действия, то такой контекст, сохраняя семантику эмоционального состояния в эмотивном глаголе (эмоция принадлежит субъекту в Вин. п.), выводит на первый план намеренность каузации эмоции: пишущий подчеркивает наличие умысла у каузатора (Им. п.). Глагол обнаруживает двойственную природу, соединяя значение состояния со значением действия, которые соотносятся с двумя субъектами – экспериенцером (Вин. п.) и каузатором-агентом (Им. п.). См.: *Почти всегда, когда я была в какой-то группе людей долгое время, находили, так сказать, козла отпущения, которого часто донимали, обижали* (–) *и издевались. Когда-то этим козлом была я, когда-то кто-то другой; Если окружающие люди ведут себя грубо, оскорбляют* (–) *или унижают* (–) *тебя, то и мир покажется ужасным и холодным* («здоровые»).

7. Категории времени

По значениям категории времени эмотивных предикатов в эссе трех групп информантов обнаружили следующие тенденции.

Для групп «здоровые» и «депрессия» характерна временная динамика: пишущие могут относить собственную эмоцию или эмоцию третьих лиц к плану прошедшего (вспоминая какие-то эпизоды своей или чужой жизни), настоящего актуального или узуального, с помощью эмотивных предикатов формулировать вечные (вневременные) истины (*Если окружающие люди ведут себя грубо, оскорбляют* (–) *или унижают* (–) *тебя, то и мир покажется ужасным и холодным* – «здоровые»; *Хочешь рассмешить* (?) *Бога – расскажи ему о своих планах* – «депрессия»). В этих группах эмотивный признак может проявляться в разной степени интенсивности: *Я очень быстро живу, тороплюсь куда-то, поэтому меня очень раздражает...* (–) («депрессия»); *Я ужасно расстроилась* (–) («здоровые»).

Для эссе группы «шизофрения» зафиксирована статичная картина времени: авторы пишут преимущественно о собственных эмоциях в плане настоящего. Показатели интенсивности эмоции немногочисленны.

Возможно, что таким образом проявляется эмоциональная статичность авторов данной группы.

С временным планом сообщения оказался связан тип эмотивного глагольного предиката: каузативный избирается для сообщения об актуальном состоянии, возвратный – для неактуальных состояний (прошрое, будущее, обобщенное настоящее в сентенциях, ирреальные наклонения), что согласуется с данными [5]. Во всех группах информанты чаще выбирают каузативные эмотивы, чем возвратные, однако в группе «здоровые» возвратные эмотивы представлены шире, для группы «шизофрения» они не характерны (что можно объяснить фиксированностью пишущего на собственном состоянии в момент речи).

8. Обсуждение результатов

Для разграничения нормы и психопатологии либо различения разных типов психопатологии не имеет смысла опираться на единственно верный лингвистический критерий. Тот или иной тип психопатологии располагает множественными аспектами мышления и поведения, которые могут проявляться в речевой продукции. Тем самым интеграция характерных лингвистических проявлений того или иного психиатрического типа в кластер признаков должна повышать достоверность психодиагностической процедуры.

Признаки исследуемых глаголов, выделяющие группы информантов с психопатологией, могут относиться к уровню морфологии (граммема прош. вр.), морфемной структуры глагольного слова (переходный / возвратный глагол), лексической семантики (семантический тип эмотива), семантического синтаксиса (зависимые эмотивного предиката) и могут быть формализованы для автоматического анализа текста.

Есть и такие лингвистические параметры, которые относятся к неморфологизированной (морфологически неоднозначной) семантике конструкции: обобщенно-личное значение предложения, семантика прошедшего времени (граммемы прош. и наст. вр.), это грамматические категории, возведенные на уровень текста [1, 5]. Подобные параметры невозможно формализовать напрямую. Они либо остаются для наблюдений лингвистов и психологов, либо, если иметь в виду будущую формализацию этих параметров, должны быть представлены как множество разнородных контекстных условий и иметь весьма сложное устройство.

Результатом проведенного исследования для задач анализа текстов авторов, принадлежащих к разным в психологическом или психиатрическом отношении группам, является обоснование многофакторной классификации эмотивов – при этом обусловленной не только психологически (пато-психологически), но и жанрово. Эта многофакторная классификация легла в основу инструмента автоматического анализа текста PITANIS, специализирующегося на предикатно-эмотивной лексике; подходы к его разработке изложены в [21, 22]; первые опыты применения ин-

струмента на значительных по объему корпусах на основе методов матстатистики и машинного обучения представлены в [23].

Заключение

Для междисциплинарных работ с участием лингвистов, психологов и специалистов по искусственному интеллекту представленный в статье этап работ – с лингвистическим анализом конкретных текстов, а не с интерпретацией полученных в ходе статобработки данных об уже известных свойствах текста – является, на наш взгляд, необходимым. Создание новых методов в области автоматической обработки текстов в интересах психологии требует не столько применения уже известных в лингвистике классификаций, сколько создания новых, возникающих в ходе проведения исследовательских работ.

Междисциплинарное исследование предполагает, что полученные результаты дадут новое знание не только постановщику задачи, в нашем случае психологии, но и той научной дисциплине, которая предоставила инструмент исследования, – лингвистике.

Для решения прикладных задач психологии являются значимыми следующие результаты.

Учет эмотивной составляющей текста в плане лексики и грамматики значим в лингво-психологическом и в автоматическом анализе текста. Значимыми для характеристики текстов групп патопсихологии и их интерпретации оказались выбор конструкции (каузативная / возвратная), семантика грамматических категорий модальности (реальная / ирреальная), времени (наст. / прош., конкретное/ обобщенное) и лица (*Я* / не-*Я*-экспериенцер, конкретный / обобщенно-личный экспериенцер, одуш. / неодуш. экспериенцер, *Я*-каузатор). Тексты трех групп информантов обнаруживают разные предпочтения в выборе семантических подклассов эмотивной лексики (негативная / позитивная / амбивалентная эмоциональная окраска текста) и в склонности к отрицательной конструкции. Особенности употребления эмотивных конструкций позволяют интерпретировать особенности состояния информантов разных групп патопсихологии (сосредоточенность на собственном состоянии – шизофрения, ответственность за состояния других лиц – депрессия) и тип связи с миром – «весь мир как мое *Я*» (шизофрения), «*Я* как весь мир» (депрессия), погруженность в мир воспоминаний / мир фантазий (депрессия / шизофрения).

Для лингвистики значимы следующие наблюдения.

Преобладание конструкций с каузативными эмотивами в наст. вр. и перволичным экспериенцером во всех группах информантов свидетельствует, что для прототипического субъекта состояния стандартной формой выражения является косвенный падеж (в данном случае Вин. п.), что согласуется со способами выражения субъекта при других предикатах состояния.

Анализ текстов позволил по-новому взглянуть на проблему намеренной / ненамеренной каузации в рамках конструкции с каузативными эмотивами. Конструкции с Я-каузатором (Им. п.) часто выражают намеренный отказ от воздействия на возможное состояние других (в норме). При 3-м лице каузатора обнаружены два варианта: (1) ненамеренность каузации, (2) приписанная намеренность при (возможной) реальной ненамеренности. Тем самым реализуется интерпретационный потенциал (по отношению к каузатору) каузативных эмотивов.

Список источников

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
2. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Иванова П.О. Оценка текстов, написанных больными эндогенными психическими заболеваниями // Психиатрия. 2019. Т. 81. № 1. С. 56–68.
3. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Чудова Н.В., Кузнецова Ю.М., Пенкина М.Ю., Минин А.Н., Станкевич М.А., Смирнов И.В., Любаская А.А. Лингвистические характеристики текстов психически больных и здоровых людей // Психологические исследования. 2018. № 11 (61).
4. Никитина Е.Н., Онипенко Н.К. Когнитивно-лингвистическая интерпретация результатов автоматического анализа текстов психически больных // Искусственный интеллект и принятие решений. 2019. № 3. С. 60–69.
5. Информационно-поисковая система «Семантико-грамматический словарь русских глаголов». URL: <http://lexrus.ru/default.aspx?p=3250> (дата обращения: 06.04.2021).
6. Collison E.A. Evaluating the Pennebaker Paradigm with Bereaved Emerging Adults: Applications of Text Analysis. Virginia : Commonwealth University, 2016.
7. Pennebaker J.W. Writing about emotional experiences as a therapeutic process // Psychological science. 1997. № 8 (3). P. 162–166.
8. Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. К семантике русских причинных предлогов (ИЗ-ЗА любви – ОТ любви – ИЗ любви – *С любви – ПО любви) // Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2. С. 162–211.
9. Апресян В.Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 42 с.
10. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : Наука, 1973. 352 с.
11. Никитина Е.Н. Возвратные эмотивы как статуальные предикаты: семантика конструкции и текстовые функции // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2022. № 4. С. 64–79.
12. Апресян Ю.Д. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 5–22.
13. Зализняк А.А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния // Slavistische Beiträge, B. 298. München : Otto Sagner Verlag, 1992.
14. Bathina K.C., Thij M., Lorenzo-Luaces L., Rutter L.A., Bollen J. Depressed individuals express more distorted thinking on social media. arXiv: 2002.02800 (7 February 2020)
15. Bollen J., ten Thij M., Breithaupt F., Barron A.T.J., Rutter L.A., Lorenzo-Luaces L., Scheffer M. Historical language records reveal a surge of cognitive distortions in recent decades // PNAS. July 27, 2021. № 118 (30). e2102061118. DOI: 10.1073/pnas.2102061118
16. Падучева Е.В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 111–120.

17. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыты семанτικο-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 544 с.
18. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М. : Наука, 1974. 367 с.
19. Пешиковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М. : Яз. славян. культуры, 2001. 510 с.
20. Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // Филологические науки. 1970. № 3. С. 44–58.
21. Никитина Е.Н., Смирнов И.В. Ролевая структура предикатных слов в решении задач интеллектуального анализа текстов социальных медиа // Речевые технологии. 2020. № 1–2. С. 3–12.
22. Smirnov I., Stankevich M., Kuznetsova Y., Suvorova M., Larionov D., Nikitina E., Savelov M., Grigoriev O. TITANIS: A Tool for Intelligent Text Analysis in Social Media // Artificial Intelligence. RCAI 2021. Lecture Notes in Computer Science, Springer, Cham, 2021. Vol. 12948. P. 232–247. DOI: 10.1007/978-3-030-86855-0 16
23. Григорьев О.Г., Кузнецова Ю.М., Никитина Е.Н., Смирнов И.В., Чудова Н.В. Казуативно-эмотивный анализ: исследование реакций зрителей YouTube-каналов на пропаганду // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 114–121.

References

1. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K. & Sidorova, M.Yu. (1998) *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow: Lomonosov Moscow State University.
2. Enikolopov, S.N. et al. (2019) Evaluation of texts written by patients with endogenous mental disorders. *Psikhiatriya – Psychiatry*. 1 (81). pp. 56–68. (In Russian). DOI: 10.30629/2618-6667-2019-81-56-64
3. Enikolopov, S.N. et al. (2018) Linguistic characteristics of texts of mentally ill and healthy people. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 61 (11). pp. 1. (In Russian).
4. Nikitina, E.N. & Onipenko, N.K. (2019) A cognitive linguistic interpretation of statistical analysis results based on texts by persons with mental disorder. *Iskusstvennyy intellekt i prinyatie resheniy – Artificial Intelligence and Decision Making*. 3. pp. 60–69. (In Russian). DOI: 10.14357/20718594190307
5. *Informatsionno-poiskovaya sistema “Semantiko-grammaticheskiy slovar’ russkikh glagolov”* [Information search engine “Semantic and grammatical dictionary of Russian verbs”]. (n.d.) [Online] Available from: <http://lexrus.ru/default.aspx?p=3250>. (Accessed: 06.04.2021).
6. Collison, E.A. (2016) *Evaluating the Pennebaker Paradigm with Bereaved Emerging Adults: Applications of Text Analysis*. Richmond, VA: Commonwealth University.
7. Pennebaker, J.W. (1997) Writing about emotional experiences as a therapeutic process. *Psychological science*. 3 (8). pp. 162–166. DOI: 10.1111/j.1467-9280.1997.tb0040
8. Iordanskaya, L.N. & Mel’chuk, I.A. (1996) On semantics of Russian causal prepositions (IZ-ZA lyubvi ‘because of love’ – OT lyubvi ‘from love’ – IZ lyubvi ‘out of love’ – *S lyubvi – PO lyubvi ‘according to love’). *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal – Moscow Journal of Linguistics*. 2. pp. 162–211. (In Russian).
9. Apresyan, V.Yu. (2015) *Mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeystviya slozhnykh znacheniy v yazyke* [Mechanisms of formation and interaction of complex meanings in language]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
10. Zolotova, G.A. (1973) *Ocherk funktsional’nogo sintaksisa russkogo yazyka* [An Essay on the Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow: Nauka.
11. Nikitina, E.N. (2022) Reflexive psych verbs as state predicates: semantics of construction and text functions. *Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya – Moscow University Philology Bulletin*. 2022. 4. pp. 64–79. (In Russian).

12. Apresyan, Yu.D. (2004) Interpretatsionnye glagoly: semanticheskaya struktura i svoystva [Interpretative verbs: semantic structure and properties]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii – Russian Language and Linguistic Theory*. 1 (7). pp. 5–22.
13. Zaliznyak, A.A. (1992) Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya [Studies on the Semantics of Predicates of the Internal State]. München: Otto Sagner Verlag.
14. Bathina, K.C. et al. (2020) *Depressed individuals express more distorted thinking on social media*. [Online] Available from: <https://arxiv.org/abs/2002.02800>. (Accessed: 7 February 2020). DOI: 10.48550/arXiv.2002.02800
15. Bollen, J. et al. (2021) Historical language records reveal a surge of cognitive distortions in recent decades. *PNAS*. 118 (30). e2102061118. DOI: 10.1073/pnas.2102061118
16. Paducheva, E.V. (1993) K aspektual'nykh svoystvam mental'nykh glagolov: perfektnye vidovye pary [To the aspectual properties of mental verbs: perfect species pairs]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Mental'nye deystviya* [Logical Analysis of Language. Mental actions]. Moscow: Nauka. pp. 111–120.
17. Mel'chuk, I.A. & Zholkovskiy, A.K. (2016) *Tolkovo-kombinatornyy slovar' russkogo yazyka: Opyt semantiko-sintaksicheskogo opisaniya russkoy leksiki* [Explanatory and Combinatorial Dictionary of the Russian Language: Experiments of semantic and syntactic description of Russian vocabulary]. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK.
18. Apresyan, Yu.D. (1974) *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics: Synonymic means of language]. Moscow: Nauka.
19. Peshkovskiy, A.M. (2001) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. 8th ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
20. Arutyunova, N.D. (1970) Nekotorye tipy dialogicheskikh reaktsiy i “pochemu”-repliki v russkom yazyke [Some types of dialogic reactions and “why”-lines in the Russian language]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 3. pp. 44–58.
21. Nikitina, E.N. & Smirnov, I.V. (2020) Predicate-argument structure for intelligent text analysis of social media content. *Recheye tekhnologii – Speech Technologies*. 1–2. pp. 3–12. (In Russian).
22. Smirnov, I. et al. (2021) TITANIS: A Tool for Intelligent Text Analysis in Social Media. Artificial Intelligence. RCAI 2021. *Lecture Notes in Computer Science*. 12948. pp. 232–247. DOI: 10.1007/978-3-030-86855-0_16
23. Grigor'ev, O.G. et al. (2022) Causative-emotive analysis: the study of Youtube viewers reactions to propaganda. *Psikhologicheskii zhurnal*. 4 (43). pp. 90–98. (In Russian) DOI: 10.31857/S020595920021484-8

Информация об авторах:

Никитина Е.Н. – канд. филол. наук, научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук (ФИЦ ИУ РАН) (Москва, Россия). E-mail: yelenon@mail.ru

Онипенко Н.К. – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (ИРЯ РАН) (Москва, Россия). E-mail: onipenko_n@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.N. Nikitina, Cand. Sci. (Philology), researcher, Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: yelenon@mail.ru

N.K. Onipenko, Cand. Sci. (Philology), leading researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: onipenko_n@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.04.2021;
одобрена после рецензирования 02.07.2022; принята к публикации 22.09.2022.*

*The article was submitted 08.04.2021;
approved after reviewing 02.07.2022; accepted for publication 22.09.2022.*